

Юрий
САВАРОВСКИЙ

ПТИЦЫ
НА МОЕЙ ДАЧЕ

Юрий Саваровский
Птицы на моей даче (сборник)

«Пробел-2000»

2015

УДК 821.161.1 Саваровский
ББК 84 (2Рос+Рус) 6-44

Саваровский Ю. С.

Птицы на моей даче (сборник) / Ю. С. Саваровский —
«Пробел-2000», 2015

ISBN 978-5-98604-488-0

«...Каких только птиц я не встречал на своей подмосковной даче и в ближайших от неё окрестности во все времена года, кроме зимы. Зимой я на даче не бываю. Как и многие горожане, открываю дачный сезон где-то в середине или конце апреля, когда полностью исчезает снег и приходит тепло. Дача моя всего-то в ста километрах от Москвы и в тридцати километрах от Сергиева Посада, в деревне Фёдоровское, на берегу речки Кунья. Речка плёвая, стремительно бегущая вниз по пологой равнине к реке Дубна...»

УДК 821.161.1 Саваровский
ББК 84 (2Рос+Рус) 6-44

ISBN 978-5-98604-488-0

© Саваровский Ю. С., 2015
© Пробел-2000, 2015

Содержание

Ночная рыбалка	6
Чёртовы болота	12
Валеркины каникулы	16
Заначка	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Юрий Семенович Саваровский
Птицы на моей даче
Рассказы

© Саваровский Ю. С., 2015

© ПРОБЕЛ-2000, 2015

Ночная рыбалка

Сегодня Пашка загорал один, Витька не пришёл. Одному Пашке скучно сидеть на берегу Иртыша среди холмов речного песка, намытого землечерпалкой. Он не знает, чем себя занять, просто глядит на реку и впервые отмечает, что вода в Иртыше неопределённого цвета, не то серая, не то голубая, не то жёлтая. Вдоль берега носятся стрижи и громко свистят. Пашке, однако, кажется, что стрижи плачут. Справа у берега застучала землечерпалка, и заглушила свисты стрижей. Теперь в Пашкиных ушах только размеренный стук землечерпалки. Но и его заглушает раскатистый гудок парохода.

Вон он идёт на полных парах по течению, красивый, двухпалубный, пассажирский.

Пашка знал все пароходы, буксиры и катера на Иртыше, он даже различал их по гудкам и стукам моторов. За день их проплывало много. Чаще это были блиновидные, черномазые работяги буксиры. Они тянули против течения спаренные, длинные баржи с песком, гравием, брёвнами, углём и прочими грузами. Были среди буксиров крупные и мощные, были и маленькие, которых Витька прозвал жучками. Эти жучки обладали удивительной силой и упорством. Они буквально вгрызались против течения реки, таща за собой на стальных тросах огромные, перегруженные баржи. От них волны не шли. Прицепные баржи, как утюги, сглаживали их. Другое дело, если стрелой пролетит катер. От него шли настоящие волны, но они быстро затухали, не доходя до берега. Самые большие и продолжительные волны образовывались, когда проходил двухпалубный пассажирский пароход с поднятыми над колёсами брёвнами-волнорезами. Такие красавцы, как «Михаил Лермонтов», «Восьмое марта» или «Фёдор Достоевский» проходят всего два-три раза в сутки. Берег встречает их приветственными взмахами рук, одобрительными криками и завистливыми глазами. Пашка давно мечтал именно на таком пароходе доплыть до самого Ледовитого океана.

Сейчас по фарватеру шёл «Фёдор Достоевский» Пашка вскарабкался на вершину песка, замахал приветственно руками. В ответ с палубы парохода замахали руками и шляпами пассажиры. Пароход величественно скрылся за поворотом Иртыша. Щемящая грусть запала в Пашкину душу. Впервые он пропустил «девятый вал» и не покачался на волнах от пассажирского. Витька никогда не пропускал такого удовольствия и всегда первым бросался навстречу волнам, за ним Пашка. Витька, вообще, не давал Пашке покоя. Он заставлял его то бороться с ним, то играть в «ножичек», то нырять, кто дальше, то делать массаж. Витька был большой выдумщик подобных состязаний. Где-то в глубине души Пашка противился Витькиному диктату, но свое недовольство не показывал, даже когда ему вовсе не хотелось дубить и без того дублёную кожу Витькиной спины. А иногда со злостью выполнял очередную Витькину блажь.

– Давай Пашка, ещё рубани «капустки».

И Пашка, садился на Витьку и зло рубил оттянутую кожу на его спине.

– Ну, а теперь слазь! Теперь моя мазь! – кричал Витька, подмяв под себя Пашку.

Витька очень больно рубил «капусту». Пашка скрипел зубами и молчал.

Пашка с Витькой дружат давно, ещё с первого класса, как только оказались за одной партой. В первый класс оба пошли осенью после войны. У Пашки отец погиб на фронте, а Витькин на фронте не был, всю войну проработал на оборонном заводе, эвакуированном в Омск из Москвы. Витька на год старше Пашки, выше его на пол головы, и в свои четырнадцать лет выглядит на все шестнадцать. Учился Витька плохо, и вот, в шестом классе, ему предстоит переэкзаменовка осенью, не пересдаст экзамены по русскому языку и литературе, останется на второй год. Этого допустить было никак нельзя, и Пашка взял его на поруки, приносил на пляж учебники, которые Витька тут же зарывал в песок.

– Пусть отлежатся в песочке, успеется, не то всё снова забуду. – и, как всегда, начинал балагурить.

Сегодня он сообщил Пашке, что едет с отцом и с Хариным на ночную рыбалку.

– Ты тоже с нами поедешь, я уже о тебе договорился.

– Ты что, Вить! Я же никогда не рыбачил. Какой из меня прок.

– Прок будет, не волнуйся. Харин научит.

– А кто такой Харин?

– Харин... – Витька изобразил на лице такую гримасу, что будто бы не зная Харина всё равно, что не зная Пушкина.

– Харин – рыбак что надо! Батя раз пять с ним рыбачил и каждый раз приносил немало рыбы. Я тоже с ними был прошлым летом, натаскали щучек вагон и маленькую тележку. Я тебе разве не говорил?

– Нет, не говорил. Только, Вить, я всё равно не поеду. Мамка завтра в вечернюю смену, дома с Валеркой некому быть.

– Ерунда! Тётя Шура разрешит, скажи ей только, что с моим отцом едешь. – советует Витька. Пашка в замешательстве, не знает, что ответить.

– Заманчиво. – наконец вымолвил он. – Но я всё равно не поеду, не хочу обижать мать. Я и так от дому отбился.

– Во, лопух! Принёс бы домой рыбы, а, вообще, как знаешь, решишься, приходи. Мы в девять отчаливаем. – досадно сказал Витька.

– А где будете рыбачить? – спрашивает Пашка.

– Как всегда на Зелёном! – отвечает Витька.

Пашка вглядывается в муарную даль, где у самого изгиба Иртыша лежит заманчивый Зелёный остров. Как давно мечтал Пашка попасть на него, побегать по мягкой траве и порыбачить. На ночную рыбалку Пашка в мыслях собирался не раз и даже рисовал в своей голове картину такой рыбалки.

Как только день перевалит середину, спадёт жара, рыбаки на лодках отплывают к заветному берегу Зелёного острова, не спеша, готовят снасти и ждут того часа, когда сядет солнце и рыба начнёт резвиться у самого берега в нагретой за день воде.

Рыбаки вслушиваются в ночную тишину, жадно ловят всплески резвящейся у берега рыбы, и начинается лов. Вот и первая выловленная рыба, её отпускают снова в воду, иначе удачи не будет. А потом, наловив достаточно рыбы, запаливают костёр, варят уху и хлебают её ложками прямо из закопчённого котелка, и целую ночь рассказывают друг другу рыбацкие байки, прогоняют дремоту в ожидании утреннего жора.

И сейчас Пашка думает о ночной рыбалке, какой её он нарисовал своим воображением. Только теперь она не кажется ему такой несбыточной, стоит лишь ему решиться принять Витькино предложение. И Пашка решается, бежит домой уговаривать мать. Она долго противится, но потом после уговоров сына всё-таки разрешает.

– Возьми поесть и оденься потеплее, ночи уже прохладные. – наказывает мать.

Пашка собирается спешно, боясь опоздать к оговоренному часу.

– Паша, возьми меня с собой. – просит братишка, но Пашка оставляет его просьбу без внимания и бежит через улицу к Витькиному дому, доволен, что успел во время.

– Здравствуйте! – восклицает Пашка, переступив давно знакомый ему порог.

– Здорово, Павел, здорово! – как всегда приветствует Витькин отец, сидящий за столом с незнакомым Пашке мужиком, который исподволь оглядывает Пашку с головы до ног. Это, наверное, и есть хваленый Витькой Харин – решает Пашка и с робостью смотрит на хмурого мужика, смолящего папиросу.

– Этот, что ль, твой друган? – обращается тот к Витьки.

– Он самый. – подтверждает Витька.

– Ну и дружки ж у тебя плюгавые. – пренебрежительно изрекает Харин. Пашка оторопел от такой характеристики, но Витька дружески подтолкнул друга локтем в бок и прошептал на ухо:

– Не бери в голову, у Харина все вокруг плюгавые, видишь, какое у него пузо. Давай лучше помогай шмотки собрать.

Пашка успокоился и начал помогать. К половине десятого сборы закончились и все направились к дому бакенщика. Бакенщик долго не давал лодку, но Харин с ним сторговался. За вёслами сидел Витькин отец, Харин на корме, а Витька с Пашкой в носу лодки. Пашка свесил руку в воду. Вода была тёплая и приятно щекотала ладонь. Вечерние сумерки скрывали от взгляда удаляющийся городской берег, а Зелёного острова ещё долго не было видно. На небе проклюнулись первые звёзды, и подул лёгкий ветерок, который принёс едва обоняемые запахи прелой травы, что указывало на близость Зелёного острова.

– Ты, Антон, загребай левее, чтобы в заводь угодить. – наставляет Витькиного отца Харин.

– Ты думаешь там свободно, поди, уже заняли? – сомневается дядя Антон.

– Рано ещё. Будем первыми, а если что, начхать, получат от ворот поворот. – уверенно заявляет Харин и в подтверждение своих слов демонстративно плюёт за борт.

– Ты, Харин, зря так людей обижаешь. – говорит Витькин отец. – Мест всем хватит, заводь большая, и никому не заказана.

– Ха, обидишь! – осклабился Харин. – Они, поди, так же врежут по мордасам, если сильнее.

– А тебе, дядя Федя, приходилось сталкиваться с теми, что сильнее тебя? – с детской наивностью интересуется Витька.

– Приходилось, ну и что? Тоже получал сдачу, и сматывал удочки. Поэтому сила в нашей жизни, во как нужна!

– Сильный всегда должен быть добрым. – не вытерпел, молчавший до сих пор, Пашка.

– Ишь, ты, умница сыскался! Сопливый ещё, чтобы меня учить.

Пашка не успел отреагировать на слова Харина. Лодка тупо уткнулась в берег Зелёного острова. Зелёный оказался вовсе не зелёным, каким он виделся с городского берега. На нём росла редкая, низкая трава, перемазанная песком и илом. Берег заводи был илистым и пологим.

– Выгребай манатки! – скомандовал Харин, и все принялись вытаскивать на берег рюкзаки и снасти. За работой Пашка забыл недавнюю неприязнь к Харину, он даже понравился ему в эти минуты. Харин умело развернул бредень, быстро скинул с себя одежду, смачно крикнул и полез с бреднем в воду.

– Для пробы. – объявил он. Пашка смотрел, как Харин, согнувшись, медленно и тяжело тянет бредень, не вытерпел и бросился ему помогать.

– Давай, давай, пацан, зарабатывай на уху. – одобрил Харин. Протянули метров десять и вытащили бредень на берег. Вот они щучки, бьются о песок, сбрасывая с себя ил. Пашка присел на корточки, взял в руки самую маленькую щучку. Она судорожно хватала жабрами воздух, глаза на выкате, как у Витькиного отца. Пашке стало жалко щучку и он осторожно опустил её в воду.

– Ты, что свихнулся! – заорал на него Харин. – Я пуп свой даром, что ли надрывал!

– Да, она же малюсенькая, ей ещё расти. – начал было оправдываться Пашка, но тут к нему подскочил Харин и прошипел:

– Слушай ты, гундосик. Если ещё хоть одну рыбу отпустишь, получишь по мослам. Валяй отсюда, пока цел!

Пашка, едва сдерживая слёзы, резко выпрямился и направился к костру, который раскладывал Витькин отец. Пашка уже точно ненавидел Харина, сидел недвижимо у костра и думал, как отомстить Харину. Харин же с Витькой продолжали делать заход за заходом, иногда под-

ходили к костру перекурить и погреться. На Пашку никто не обращал внимания, даже Витька, он был поглощен Хариным и рыбалкой. Пашка ещё долго сидел бы обиженным, если бы его не окликнул Витькин отец:

– Ну, что Павел, заварим уху? – сказал он и по-отцовски шлёпнул Пашку по заднему месту. От этого шлепка Пашке вдруг стало спокойно и хорошо, и он с удовольствием стал помогать дяде Антону чистить рыбу.

Река и берег провалились в бездну ночи. Босые ноги стали чувствительны к прохладе земли и пришлось напяливать обувь.

– Вот, сволочь, как похолодало. – пробормотал Харин, присаживаясь к костру.

– Слышь, Антон, – обратился он к Витькиному отцу. – Поддай-ка рюкзачок, пора опрокинуть стаканчик. Привычным движением коротких пальцев Харин открыл чекушку и опрокинул горлышком в кружку.

– У, зараза, щекочет нюх почище ухи. – воскликнул он, сложил три пальца перстом, перекрестил ободок кружки и опрокинул её в щербатый рот. В горле заклокотало, и, как паралитик, задёргался коленообразный кадык. Харин громко чихнул и удовлетворённо провёл пальцами по подбородку. За Хариным выпил Витькин отец и тоже чихнул. Пашка закрыл ладонями уши. Стало спокойно и тихо.

Вдруг Витька оттянул его руки и заорал:

– Ты что, глухой? Сколько можно звать? На, пей! Нам малость перепало, – сунул Пашке кружку.

– Что ты, Вить. Я ж сроду не пил, одурею.

– Не одуреешь. Я тоже боялся, когда в первый раз выпил. Знаешь, как здорово! Пей, не то простынешь, В воду ведь полезем. Харин говорит, что ещё пару заходиков нужно сделать.

– Разбавить бы... – говорит Пашка.

– Чё...? – услышал Харин. – Разбавить? Это тебе спирт что ли? Это ж московская, готовая к употреблению. Пей, пока дают, не то... Харин не договорил, и, матерясь, насильно прижал кружку к Пашкиным губам. Кружка сильно ударила по зубам. В глазах у Пашки потемнело, он всем телом отпрянул от кружки. Пролитая водка холодом обожгла подбородок и шею. Хохот взорвал ночь. Харин от хохота пошёл впрыскаду и казался беснующимся шаманом в мерцающих бликах костра. Широкие полы его пиджака взлетали крыльями летучей мыши, оголяя голое пузо. Витька от смеха катался по песку, а Витькин отец сгонял пальцами слёзы смеха с выпученных глаз. Только Пашке было не до смеха. Он стоял, как вкопанный, его трясло от обиды. Смеялись долго, а когда смех закончился, Пашка вдруг почувствовал, что по телу побежало тепло и ему тоже захотелось смеяться.

Он громко захихикал и начал кривляться, но его грубо одёрнул Харин:

– Хватит комедиянить! Дохлёбывайте уху, и пошли в воду. Лодку окупать надо.

Ещё полчаса назад, когда уха только варилась, Пашка в нетерпении облизывал губы, а теперь, когда его насильно заставили хлебать, он ел уху вяло и без аппетита. Витька же хлебал уху с жадностью, отрываясь от котелка только для того, чтобы дурашливо улыбнуться.

– Глянь, Фёдор, как пацаны ноне заласканы, – приглашает к разговору Харина Витькин отец. – Растут мужики нам на смену, учёными будут, вот только хилые, не ровня нам.

Верно, я говорю?

– Верно, Антон, верно, – поддерживает Харин. – Где им быть здоровыми, ежели над учебниками корпят, да пылью в классах дышат. Я вот всю жизнь на свежем воздухе, то на стапелях, то на лесоповале.

– Во, и я о том же, – продолжает Витькин отец. – Я своему сколь раз говорил, что учиться дело нужное, станешь инженером иль бухгалтером, всегда чистеньким и денежным.

– Вот насчёт денег, я сомневаюсь, – договаривает Харин. – Инженеришки не много получают.

– Всё поговорили. Давай, Антон, ложись на «Храповицкого», а шпана пусть ещё поныряет, а то почти всех щучек пожрали.

Харин насильно поднял мальчишек, сунул им в руки бредень и загнал в воду.

Остывшая в ночи вода сразу отрезвила. Витька зашёл глубже, он едва доставал дна, иногда проваливался, уходил под воду с головой, но желание угодить Харину заставляло его тащить бредень. Пашка шёл параллельно Витьке, но ближе к берегу. Бредень дёргался, застревая в неровностях дна, собирая ил, водоросли, и вместе с ними полусонных, глупых рыбёшек. От напряжения и холода у Пашки дрожали руки и ноги, хотелось бросить бредень, но вдоль берега шёл Харин и кричал:

– Куда вздымаете! Прижимай ко дну! Давай дальше!

От его крика, как от удара кнутом, мальчишки ещё сильнее давили на бредень, отчего он шёл ещё туже, дёргался, как буксир на мелководье.

– Давай поворачивай! – командует Харин, и пацаны незамедлительно потянули бредень к берегу. Бредень пошёл легче и быстрее, как лошадь, почувывая конец дальней дороги.

Рыбы взяли много. Харин, хихикая от удовольствия, орудовал в бредне обеими руками.

Он ловко поддевал широкой пятернёй, как совком, из иловой кашицы сонных рыбёшек, окунал их в тазике с чистой водой и тут же бросал их в корзину. Щучки спросонок почти не шевелились, лишь оказавшись в корзине, начинали биться в агонии.

– Молодцы, шпендили! – хвалит мальцов Харин. – Ещё пару таких заходиков и полный порядок!

Витька и Пашка сильно устали, но мальчишеская гордость и похвала Харина заставили их вновь лезть в воду. Ушли метров на десять против течения. Там вода чище и рыба не пугана. Поменялись местами, теперь Пашка шёл глубже, а Витька ближе к берегу.

Бредень шёл тяжелее, чем в прошлый раз.

– Давай, Паша, жми! Харин с выручки деньжат подкинет! – кричит Витька.

– Зачем деньги? – удивляется Пашка. – Разве мы на него работаем? Это ж просто рыбалка!

– За просто так я бы не был водяным. – промычал Витька посиневшими губами.

Метров семь тянули молча, только сопели и отфыркивались от надоевшей воды.

И снова окрик Харина:

– Эй, голопупики! Чего замешкались, плавно нужно, в одном темпе!

Пашку бесит этот издевательский крик. После каждого такого окрика, он порывается бросить бредень и послать к чёрту этого рыбака Харина с его рыбалкой, но продолжает тянуть.

– Чего он всё на нас орёт? – жалуется он Витке.

– Глотка у него луженая, это верно, – соглашается Витька. – Ну, и фиг с ним, рыбак то он, что надо!

– Какой он рыбак!? Собака цепная! – не унимается Пашка.

Он решает, что такая рыбалка ему противна. Это ж не рыбалка, а просто принудительная работа. Тридцать метров показались Пашке, по меньшей мере, километром. Он ослабил руки, остановился, бросил бредень и направился к берегу.

– Куда ты? – услышал он крик Витьки и тут же увидел бегущего к нему Харина. Оттолкнув Пашку, он ухватил бредень и вытащил его на берег.

– Порвали бредень, сукины дети! – заорал он уже на берегу. Харин ползал на коленях вокруг бредня и выгребал из него грязь.

– Пусто! Одна тина! – негодовал он. Рука нащупала в бредне какую-то железяку. Он схватил её и бросился на Витьку.

– Видишь, водянка, что поймал?! Ты думаешь, что я тебя гулять привёз, а твоего отца спать на свежем воздухе! – орёт Харин, брызжа слюной.

– Где твой заморыш? Я ему, сучонку, рук и ноги переломаяю! Крича, он набросился с кулаками на Пашку.

– Не тронь! – задрожал Пашка.

Харин сбил Пашку с ног и начал бить по лицу и по туловищу ногами, бил озверело и беспощадно. От каждого удара Пашка вскрикивал, извивался змеёй, соскакивал, пытался убежать, но снова падал. Витька оторопело стоял у грязного бредня. Пашка почувствовал, что от очередного удара по лицу из носа брызнула кровь. Стало страшно. Он дико закричал и отчаянно бросился на своего врага. От неожиданного удара в живот, Харин упал. Пашка автоматически схватил злочасную железку и, весь, дрожа, замахнулся на поверженного Харина, но его руку перехватил, пришедший, наконец, в себя, Витька. На крик прибежал и Витькин отец. Он спросонок не понимал, в чём дело, метался вокруг дерущихся, не зная, что делать.

Со стороны Иртыша послышался характерный стук моторного катера.

Первым заорал Витька:

– Милиция!

Харин соскочил на ноги, как ужаленный, схватил бредень и подбежал к костру. За ним кинулись Витька и его отец. Пашка, зажав окровавленный нос, оставался стоять у самого берега. Он смотрел, как Харин затаптывает ногами еле дышащий костёр, а остальные спешно собирают шмотки и забрасывают их в лодку. Не понимая, отчего такой переполох, Пашка стал всматриваться в ночную темень и видит стремительно приближающийся к острову зелёный огонёк моторного катера. Это речная милиция, понял Пашка и бросился, не зная почему, бежать по направлению к лодке.

– Подождите! Подождите! – во весь голос закричал он. – Витя! Дядя Антон!

Но никто не отозвался. Харинская лодка беззвучно пропала в бездне ночи. Пашка ещё долго бежал вдоль берега и звал, и звал своего растворившегося в ночи друга.

Чёртовы болота

Из всех, по-своему прекрасных времён года, я люблю начало осени. В это время я чувствую себя всегда прекрасно и умиротворённо, особенно в близком общении с природой, которая после летней беспечности приостанавливается в глубоком раздумье о жизни и смерти, будто бы она уже сполна вобрала в себя все прелести земли и неба, и теперь вот задумалась, как их подарить людям, а потом уйти на покой до следующей весны. Именно, в сентябре я всегда стараюсь побывать в каком-нибудь уголке Подмосковья.

В конце нынешнего сентября вместе с женой и соседом Александром я направился на своей новенькой «копейке» за Переславль – Залесский, где, по слухам, сохранились ещё девственные болота с обилием клюквы. Новенькие «Жигули» легко одолели немалое от Москвы расстояние, и уже через пару часов мы миновали этот старинный город и, отмерив ещё несколько километров, свернули с шоссе налево на просёлочную дорогу. Она оказалась короткой и привела нас к узкоколейке, которую мы успешно пересекли по бревенчатому настилу. Метров через сто дорога раздваивалась. Я замешкался и тут же увидел мужчину, шагающего по полю впереди машины. Догнав его, я притормозил, открыл дверцу и спросил у него, куда ведёт эта дорога. Путником оказался долговязый парень неопределённого возраста с нездоровым синюшным лицом, одет в брезентовую куртку, обут в кирзовые сапоги, на голове вязаная шапочка с пупочком, за спиной небольшой кузовок. Чуть наклонившись ко мне, приглушённым голосом ответил:

– Дорога скоро кончится в деревне, а за деревней дороги нет, дальше лес и болото.

– А ты из этой деревни?

– Нет, я из Переславля, иду на болото за клюквой.

– Тогда нам по пути, садись, подвезу.

Парня не нужно было приглашать дважды, он сразу же залез на заднее сидение.

В салоне машины запахло чем-то затхлым, не то навозом, не то валерьянкой.

Моя жена спешно опустила стекло и высунула голову наружу. Александр сделал то же самое.

– Ты, что больной? – брезгливо спросил он парня.

– Я то? – смутился парень.

– Ты, кто же ещё! – возмутился Александр.

– Больной, а что, разве по мне видно?

– Видно, а ты сомневаешься? Чем болеешь? – не перестаёт допытывать парня Александр.

– Я туберкулёзник. – ошарашил всех своим ответом парень.

– Во, паря, а других не боишься заразить? – негодуяше говорит Александр и отодвигается дальше от него.

– Не бойтесь, я не кашлю, вся болезнь внутри законсервировалась. – успокаивает парень.

– А что ж не в больнице?

– Лечился не раз, проку мало, подержат и выпишут, иди, мол, гуляй на свежем воздухе.

Вот теперь лечусь у местной знахарке всякими травяными настойками, земляникой, да клюковкой, а то и водочкой. Помогает.

Разговор на минуту смолк. Перед нами открылась просторная лужайка с деревенскими избами и покосившимися жердевыми оградами вдоль короткой улочки.

– Всё, приехали. – объявил парень и приготовился к выходу.

– Не спеши, – остановил я его. – Подсажи, где лучше оставить машину.

– А где хотите, лучше вон у крайней избы, что ближе к лесу.

Я так и сделал. На крыльце дома, возле которого я остановил машину, сидела пожилая женщина, и у её ног сдержанно рычала дворняжка. Нашей парковке почти у крыльца дома хозяйка не удивилась и, загнав жучку под крыльцо, поднялась нам навстречу.

– Можно, мы оставим здесь машину часа на два-три? – спросил я у неё.

– Оставляйте, никто не тронет. Поди, за клюквой приехали? Идите, собирайте, только не заблудитесь, у нас места глухие, чёртовы болота.

– Да мы не одни, вон с этим парнем, он, вроде, знает эти болота.

И я указал на удаляющуюся спину нашего попутчика. Мы поблагодарили хозяйку дома и пообещали по возвращению рассчитаться деньгами, на что она спокойно ответила:

– Заплатите, так заплатите, а нет, претензий не будет. Закройте только плотнее двери и окна в машине, от мух не отобьетесь.

Быстро снарядившись и закрыв поплотнее окна в машине, мы ускоренным шагом последовали за удаляющимся парнем. Тропинка, ведущая в лес, плутала в густых зарослях крапивы и чертополоха. Парень уверенно шагал в метрах пяти впереди нас, изредка оглядываясь. Я догнал парня и спросил:

– А клюквы здесь много?

– Много, но в этом году она мелкая. Сухота.

– Так может не стоит за ней идти? – усомнился я.

– Отчего же, коль приехали! Да, вот и скоро выйдем на неё, за пару часиков наберёте.

Смешанный лес скоро кончился, и перед нами открылось неохватное взглядом болото.

Прошли ещё метров триста во след уверенно шагающего по мшистым кочкам парня.

Наконец он остановился, скинул с плеч свой кузовок и, растянув руки в обе стороны, сказал:

– Вот и клюква, смотрите на кочках, собирайте, сколь сможете.

Он ещё раз указал нам, где клюква, а сам пошёл дальше. Мы, было, направились за ним, но потом разошлись по сторонам и стали собирать клюкву на первых же, попавшихся на глаза, кочках. Клюквы на них было много, но она мелкая и суховатая, собирать её трудно и нудно. Я такой работы не выдерживаю и уже скоро распрямляю спину и ищу в округе места, где бы клюква была крупнее. Потом зову жену и Александра к себе. Они перемещаются и молча продолжают выщипывать с кочек клюкву таких же размеров, что и на предыдущих местах. Я же выискиваю в папоротнике грибы. Их много, но все они хилые и повядшие. Так что ни подосиновиков, ни подберёзовиков, на которых я рассчитывал, собрать мне удалось. Я в досаде чертыхнулся и стал обзирать округу.

Пейзаж не вдохновлял, был скучен и однообразен. Насколько охватывали глаза, на столько и простиралось поросшее блеклым мхом и папоротником гигантское болото, лишь изредка мои глаза цеплялись за островки тощих и уродливых осин и берёзок.

Над головой носился целый сонм кровососущих. Моя всегда словоохотливая супруга на этот раз упорно молчала, выщипывая с кочек несчастную клюкву. Александр тоже собирал молча, лишь пару раз разгибался, чтобы покурить. Наконец я не выдержал:

– Хватит горбатиться! Пора перекусить. – сказал я, и они сразу же согласились. Мы расположились на сухой плешине и без всякого аппетита стали жевать бутерброды и запивать их тёплым чаем. В рот, помимо пищи, настырно лезли мухи, комары и клещи.

Особенно мы спасались от клещей, обмотав шеи платками, и натянув на уши головные уборы, но это мало помогало. Трапеза наша скоро закончилась. По виду моей жёнушки можно было понять, что она напрасно согласилась на эту поездку.

– Вот, что я скажу вам, мои дорогие мужички, – прервала она долгое молчание. – Довольно собирать эту мелочь, я уже видеть её не могу. Пора двигать обратно, к тому же времени, наверное, уже много.

Я взглянул на часы:

– Ого, уже половина третьего!

– В лучшем случае до машины доберёмся часам к пяти – резюмирует Александр.

– Ты прав – говорю я и решительно даю понять, что пора возвращаться.

День, с утра солнечный, к этому времени заметно потускнел, солнце надёжно спряталось за кучевыми облаками. Оглядевшись по сторонам и не найдя никакого ориентира, я понял, что мы заблудились. Повёл всех налево, откуда, как мне подумалось, мы и заходили на это чёртовое болото, и с надеждой, что мы вновь повстречаем нашего проводника. Прошли, как показалось нам, не меньше километра, но ни исходной тропки, ни парня отыскать не удалось, хотя поминутно, в три глотки, зазывали его. Теперь уже всем стало ясно, что мы окончательно заблудились. В растерянности мы обозревали округу, пока не решили двигаться в направлении небольшого скопления берёзок, маячивших в неопределённой дали. Идти становилось всё трудней, то и дело приходилось перелезать через валежник, ноги то подламывались на крутых кочках, то застревали в вязкой жиже.

Я шёл первым, стараясь выбирать более лёгкий путь, за мной плелась, Светлана и последним грузно ступал Александр. Наконец намеченной цели мы достигли, но, к несчастью, это был всего лишь малый островок тверди среди необъятного болота.

– Ну, что Сусанин, куда дальше поведёшь? – с укоризной спросила жена.

– Куда, куда! – огрызнулся я – Может, ты укажешь, куда?

– Нет уж, ты повёл, ты и веди дальше. Какие вы офицеры, если не умеете ориентироваться на местности? Определите хотя бы, где Юг, а где Север?

– А ты знаешь, куда идти, на Юг или на Север, а может на Восток или Запад! – съязвил я.

– Идем на Север, – кисло пролепетал Александр. – Там прохладнее.

– Вот и правильно, идём на Север, нам туда и надо. – решительно заявил я.

– Пошли, и все сомнения прочь! Идём верной дорогой, товарищи! – провозгласил я.

Впереди снова замаячил такой же берёзовый островок, который каждый из нас принимал, как окончание наших мук. Мы уже отказались тащить на себе жалкие дары природы и без сожаления высыпали их из бидончиков и корзин. Достигнув очередной плешины, мы вновь, к сожалению, признавали, что это всего лишь повторение пройденного. Шли дальше до очередного островка зелени в одном направлении. Шли медленно и тяжело, ноги наливались свинцом, в горле пересохло, но жидкости в термосе осталось на всех по глотку. Свою долю я уступил жене. Он жадно допила остатки остывшего чая и заплакала.

– Ты, чего, Светик? – приклонился я к лицу жены. – Не раскисай, скоро дойдём, мене моя интуиция подсказывает.

– Интуиция? Знаю я твою интуицию! Всё, если через час не дойдём, лягу здесь, и что хочешь, то и делай!

– Хватит паниковать! Пошли дальше! – почти прокричал я.

Стало заметно темнеть, подул свежий ветерок. Я прибавил шаг, но тут же споткнулся и упал. Решил, что зацепился ногой за корягу, но это оказался скелет лося. Его задняя часть и голова без рогов ещё не полностью лишились шкуры и мяса. На оставшихся лоскутках туловища роились большие красные мухи и муравьи. Я в испуге соскочил на ноги, рядом остолбенели жена и Александр.

– Это браконьеры. – уверенно заявил Александр. – Видишь, рога отпилили, ну а за ними уже потрудились волки или собаки. При упоминании волков моя Светлана как-то вся сжалась и первой отошла от этого жуткого места. Мы едва передвигали ноги, как вдруг нас ободрил слышимый впереди стрекот сороки, а это значит, что вот-вот мы выйдем из этого чёртового болота. Уже почти стемнело, когда мы, наконец, вступили на твёрдую почву. Ура! Это был тот смешанный лес, с которого мы и начали наш злосчастный поход за клюквой. Мы просто свалились у лесного ручейка и жадно стали пить прогорклую воду, яростно вытряхивать со скинутых штормовок и платков присосавшихся клещей и смывать с лиц и шей липкий пот. В лесу уже

сумеречило над кронами высоких елей проглядывал оранжевый закат. Я пошёл на разведку. Интуиция подсказывала мне, что лес вот-вот должен кончиться и откроется опушка. Интуиция не подвела, и уже через сотню шагов лес расступился, завис над глубоким оврагом, и в сером вечернем сумраке я увидел свою машину. Моя душа ликовала. Стал звать жену и Александра, но они меня не слышали. Я поспешил обрадовать их, но сделать это мне не позволила резкая боль в левой ноге. Судороги заставили меня плюхнуться на землю и от боли кричать. На крик прибежали жена и Александр и, поняв в чём дело, стали бить и массажировать мою ногу.

Я выл от боли и скрипел зубами, забыв сообщить им о нашей победе. Судороги отпустили, и я повёл всех на выход из леса к деревне. Хозяйка дома нашему возвращению обрадовалась:

– Слава богу, а то уж я хотела идти кликать вас. Запутали, что ли? А где ваш провожатый? Назад он не проходил, должно быть вышел по другой дороге. Ну, да ладно, вот испейте молочка.

И добрая русская женщина протянула нам большую деревянную кружку. Мы с огромной благодарностью выпили молочко, не скупясь, заплатили за присмотр машины и за её доброту и полетели на моей «ласточке» в Москву, нисколько не жалея, что остались без клюквы. С тех пор мы с женой по клюкву не ходим и покупаем её на базаре, не торгуясь, потому что знаем ей настоящую цену.

Валеркины каникулы

Душным в этом году было лето, должно быть от частых ночных гроз, сменяемых по утрам жарким солнцем, которое буквально за час выпаривало дождевую влагу. От испарений к полудню дышать становилось трудно.

Валерка по пояс голый шнырял по рынку в поисках заработка. На рынке народу много, особенно по воскресным дням, когда на него съезжаются колхозники из ближайших к городу колхозов и совхозов. Привозят на полуторках или гужом самые ходовые для горожан продукты, начиная с мясных и кончая овощными. Их грузовики и лошадиные упряжки заполняют все улочки вокруг небольшого, но бойкого рынка.

Горожане дали этому рынку меткое название – «Хитрый рынок» Заработать на рынке можно было, застолбив для приезжих места в длинных прилавках, а затем, любезно предоставив их мясникам, молочницам и торговцам овощами, за что они платили или деньгами, или продуктами. Можно было также подзаработать разгрузкой и переносом бидонов с молоком и ящиков с овощами от машин к прилавкам и обратно. Иногда за день удавалось заработать на мороженое или на билет в кино. Валерка понимал, что таким предпринимательством много не получишь и всё время думал, где найти подходящую и денежную работу, чтобы порадовать мать и младшего братишку. Прошлым летом он пытался устроиться на разгрузку барж в речном порту или вагонов на железнодорожной станции, но из-за малого возраста и хилого телосложения ни одна бригада мужиков его не брала, хотя мальчишки чуть постарше его умудрялись попасть в бригады грузчиков и на этом подзаработать. Валерке осенью исполнится тринадцать, он считал себя уже взрослым и тяготился тем, что до сих пор сидит на шее матери, которая тяжким повседневным трудом санитарки кормит его и младшего брата. Однажды всё-таки Валерке повезло, его взяли на временную работу на почту для сортировки писем и доставки телеграмм.

Наконец-то Валерка получил свои честно заработанные рубли. Их было немного, но они явились основанием с гордостью вручить их матери и наказать ей, чтобы сходила в магазин и купила чего-нибудь вкусенького.

– Ладно, сынок, мы устроим сегодня праздничный ужин.

Ужин и вправду оказался праздничным. На столе, кроме привычной картошки, хлеба и чая, появились колбаса, свежие помидоры и огурцы, и даже сливочное масло. Валерка ел не торопливо, с достоинством, нахваливая вкус купленных продуктов, и всё норовил подложить побольше в тарелку младшего брата.

– Ешь, Мишка, ешь! У нас ещё есть кое-что сладенькое!

В ответ на Валеркины пафосные слова, мать загадочно улыбнулась, обратив взгляд на младшенького сыночка, и достала из-под стола большой арбуз. Глаза у мальчишек загорелись в нетерпении, пока мать разрежала арбуз на куски, а он заманчиво трещал.

Валерка тут же забыл свою роль кормильца и первым притянул к себе самый большой, розовый, искрящийся ломоть.

Это было прошлым августом, а в эти летние каникулы Валерка всерьёз задумал уехать на лето в какой ни будь колхоз и там неплохо заработать. Как-никак, думал он, в колхозе всегда нужны рабочие руки и в поле, и на току, и на ферме. Вот было бы здорово, если привести домой и муку, и овощи, и постное масло, которое он очень любил.

Валерка уже с утра ходил по рынку, долго присматривался к колхозницам, стоящим за прилавками, прикидывал в уме, с какими из них он сможет договориться, узнавал из какого они района, далеко ли от города, на чём приехали, нужны ли сезонные работники и можно ли у них пристроиться, и подзаработать? Вопросов, которые должен был решить Валерка, было не мало, и он на их решения потратил почти весь день и только к закрытию рынка, когда колхозники стали собираться в обратный путь, он выбрал полуторку из Семиреченского района,

что привозила на рынок муку, яйца, и подсолнечное масло, запах которого не исчез даже из опустошённых бидонов. Шофёр полуторки, мужчина лет пятидесяти с хмурым взглядом, на просьбу Валерки взять его, категорически отказал.

– Мест нет. Ещё не все сели, а уже полон кузов. Вон, спрашивай у бригадирши. – кивнул головой в сторону высокой женщины, стоящей у машины. Это была та колхозница, которую Валерка так долго расспрашивал, когда она продавала, стоя за прилавком, это пахучее солнечное масло.

– Так это ты, удалец, решился таки! – взглянула на Валерку она. – Я вижу, что ты трудяга, возьму тебя в мою бригаду, посмотрю, где сгодишься. Полезай вон к тому борту, где бидоны.

Шофёр неодобрительно махнул рукам и заматерился.

– Ты, Антонина, не забывай, что ещё место забито для казахов.

– Знаю, жду. Да вот и они.

К машине подъехала бричка, из которой вынесли на кошме больного казаха и уложили его вдоль кузова. Рядом с больным разместились средних лет казашка, которая, по-своему лопоча, прикладывала к его лбу мокрый платок. Больной то закрывал, то открывал глаза и тихонько стонал. Валерка жалостливо смотрел на больного, который, как он прикинул, был постарше его. Уже стало темнеть, когда, наконец, двинулись в путь, но только выехали за город, как полил проливной дождь. Сидящие в кузове стали укрывать от дождя головы и плечи, кто платками, кто клеёнками. Лежачего казаха накрыли брезентом, а бригадирша напялила на голову кастрюлю, которая звенела от бьющих в неё дождевых капель. Валерки вовсе нечем было укрыться, и он натянул свой короткий пиджачок со спины на голову. Дождь не унимался, вскоре все промокли до нитки. Дорога раскисла и машина забуксовала. Вытолкнуть её из грязи не удалось, машина намертво застряла. Шофёр, матерясь, закрылся в кабине и завалился спать под мелодичные стук дождя.

Женщина казашка то укрывала брезентом голову больного сына, то открывала её, чтобы не задохнулся. Тот лежал посиневший, как утопленник и по его лицу стекали капли дождя. Валерка решил, что от дождя можно спрятаться под машиной и полез под неё, отыскав между колёс небольшое пространство. Там было хотя и тесно, головы не поднять, но ещё сухо. Валерка свернулся калачиком, прикрывая пиджаком то голову, то спину, усиленно дышал в поднесённые ко рту ладони, пытаясь согреться, но вскоре его пробил такой холод, что ему стало невозможно, и он вместе с грязью выполз из-под машины. Дождь хлестал ещё сильнее, Валерка не знал, как же ему быть и снова полез под машину. От мокроты и холода его лихорадило. Мысленно он проклинал себя за то, что решился ехать в этой колымаге, что не предусмотрел взять в дорогу хотя бы клеёнку и одеться теплее, но, как говорится, все сильны задним умом. Валерка на минуту закрыл глаза и представил, что он у себя дома спит в тёплой кровати, обнявшись с братиком.

От этого представления стало ещё тоскливее и холоднее. Валеркино терпение лопнуло, он вылез из-под кузова и стал стучать по дверце кабины.

– Дядька, открой! Пусти погреться! Околою же!

Но, как бы сильно не стучал Валерка, шофёр не отзывался. В кузове поднялся шум, раздалась сердитые голоса. Поднялась бригадирша и стала стучать по крыше кабины.

– А ну, открой, Игнатий! Пусти мальчишку! Не то сама тебя выташу! – кричала она решительно и властно. Шофёр, матерясь, вылез из кабины. Бригадирша распорядилась посадить в кабину больного казаха и Валерку. Сидя в сухой кабине, Валерка вскорости заснул. К утру перестал дождь, выглянуло солнце, заметно потеплело. Валерка спал беспробудно, без сновидений. Его разбудил, толкнув в бок, обозлённый шофёр.

– Вылезь, подкидьш! Приедем на место, за всё с тебя взыщу. А сейчас бери лопату и откапывай колёса, если хочешь ехать. Общими усилиями машину вытащили из глубокой колеи и поехали. К полудню добрались до места.

Совхоз имени «Чапаева» был, как сейчас говорят, социально образующим двух близлежащих поселений, в которых жили русские, казахи, немцы, украинцы и чеченцы.

Жили дружно, но каждый двор можно было с первого взгляда отличить, кто в нём живёт.

Так, самыми немногочисленные, но ухоженными, были добротные дома и палисадники у довоенных немцев. К парадному входу, если так можно выразиться, ведут дорожки, посыпанные песком или кирпичной крошкой, охватываемые по бокам цветниками. Двор по периметру огорожен крашеным штакетником или аккуратно подстриженными густо сплетёнными кустами. Во дворе тоже всё чисто и аккуратно, всё на своих местах, и подворье с живностью, и хозяйский инвентарь.

Хохлацкие дворы на вид тоже ухоженные, дома в побелке, заборы не покосившиеся, цветочные клумбы и низкие яблоньки, но вот во дворе порядка мало. Поросята, индюшки, куры копаются в куче навоза, по огороду разбросан инвентарь, у калитки стоит развалившаяся телега и тому подобное.

На дворах русских и того хуже. Описывать их, я полагаю, не надо, каждый знает, каков он, хоть раз побывавший в наших деревнях.

У казахов так совсем нет двора, лишь саманные дома на плешине с худосочной травой, с разбросанной вокруг дома соломой, конскими и коровьими испражнениями. Забора или ограды нет вообще, похоже, в казахском менталитете преобладает степная открытость.

Чеченцы же, сосланные сюда после войны, своих отличительных дворов не имели, а селились в наскоро построенных домах барачного типа. Свыкались в степной местности, что без гор и мечетей.

В своих наблюдениях Валерка также отметил, что его сверстники и мальчишки помладше тоже отличаются по национальному обличию. Немецкие мальчишки в коротких штанишках с лямками, в белых рубашках с короткими рукавами, с открытой головой, русские и украинцы в привычной для Валерки одежде, может только у некоторых украинцев встречаются рубашки с вышивкой. Чеченцы, как правило, в широких шароварах, заправленных в сапоги, длинных рубахах без воротничка, подпоясаны узким ремешком, на голове высокая папаха. Казахи в стеганых халатах до колен, в сапогах или чувяках, на головах тюбетейки или тёплые малахаи, которые они не снимают и летом. И всё-таки эти различия ни как не сказывались на общение мальчишек, учились все в одной школе, сидели за одними партами, играли в одни игры и редко ссорились по пустякам.

Обедневший и осиротевший за годы войны совхоз, стал после войны отстраиваться и богатеть. На полях появилась техника, выросло поголовье скота и птицы, заработала пилорама и небольшой кирпичный завод, строился новый двухэтажный клуб, расширялась свиноферма. Валерка сразу же понял, что без работы не останется. В правлении совхоза ему предложили несколько мест работы. Недолго подумав, он согласился пойти работать на пилораму или на кирпичный завод, где платили деньгами.

По его разумению, сначала нужно подзаработать денег, а потом податься на сельские работы, например, на заготовку сена, закладку силоса или на сбор созревающих овощей.

Там платят натуральными продуктами. Для ночлега Валерку определили в летнюю пристройку, где располагались заезжие строители. На пилораме, которая работала с раннего утра до позднего вечера, Валерки очень понравилось. Он впервые увидел, как толстые брёвна, содрогаясь под зубцами эскалатора, насильно продвигаются ими к размеренно двигающимся по вертикали пилам, и те распиливают их на четыре или пять, в зависимости от толщины бревна, доски. Валерка дышит смоляным запахом и опилочной пылью, едва успевая убирать из-под пилорамы опилки и горбыли. За рабочую смену так плотно забивается Валеркин нос, что он не успевает отсмаркиваться, а после смены с трудом отмывает шею и голову от липкой древесной пыли. Долго на пилораме Валерки не пришлось поработать, вскоре она сломалась, и Валерку направили на кирпичный завод. Там было не пыльно, но душно от тёплого запаха

глины-сырца, сформованной на разрезных плитах в кирпич, которые на вагончиках доставляли по рельсам к печам для обжига. Грузёные вагончики толкать было не под силу одному Валерки, и он делал это в паре с местным пареньком, неразговорчивым и застенчивым.

Вот только во время перерыва на обед, тот старательно перебирал пуговицы на гармошке.

Мужики, хлебая щи, слушали его незамысловатые мелодии.

На кирпичах Валерка также долго не задержался. Его забрала бригадирша на полевые работы. Пришла пора сенокоса и заготовки силоса. Косить Валерка не умел, много раз пробовал, но ничего не получалось. Коса не слушалась его рук. Зато к вилам и граблям Валерка быстро приспособился, разряжая скошенную траву для просушки и, уже высохшую подгребал к намеченному стогу. Довелось Валерки поработать и на закладке силоса в силосные ямы, и на ручной веялке на току, и на стройке коровника, и ещё на нескольких работах. За летний сезон он стал, разнорабочим на подхвате, на что Валерка не обижался, наоборот, был благодарен судьбе за то, что она дала ему приложить руки к такому разнообразию работ. Про себя Валерка шутил, что он, как Фигаро, то здесь, то там.

Уже к концу Валеркиных каникул, его позвала в контору бригадирша и сказала, что он поедет на маслодавильню в соседний совхоз, и представила его казаху, с которым он поедет.

– Пойдём ко мне, переночуем, а рано утром поедем. – сказал казах, взял в конторе накладные, и они направились к его дому. По дороге спросил у Валерки, как звать и откуда пожаловал, сам же отрекомендовал себя Алиханом. Валерка, боясь забыть трудное для него имя казаха, вдалбливал их в своём уме всю дорогу. Дом казаха, вернее саманная мазанка стоял на самой окраине посёлка в шаге от просёлочной дороги, ведущей в степь. Перед домом паслась распряженная лошадь и с опущенными оглоблями стояла телега, гружённая туго набитыми мешками.

Казах подошёл к телеге и поправил те мешки, что, как ему казалось, могли сползти на землю, и после этого повёл Валерку в дом. Прошли переднюю, еле освещённую дневным светом небольшого оконца, перед комнатной дверью хозяин разулся и заставил Валерку сделать тоже самое. Валерка смущённо замялся, увидев, что хозяин, скинув сапоги, остался в тёплых войлочных носках, а у него лишь портянки не первой свежести, сняв которые он остаётся босым. Внимательная хозяйка дома молча подала Валерки войлочные чувяки. Вошли в широкую, квадратную комнату с низким потолком и глиняным полом, покрытым толстым домо-тканым ковром от стенки до стенки. В комнате три окна, поэтому в ней светло. Валерка внимательно огляделся. Ему показалось странным, что в комнате почти нет мебели, ни шкафов, ни стульев, лишь у стенки стояла высокая кровать, покрытая лоскутным одеялом, в изголовье которой возвышалась пирамида подушек, и в самом центре комнаты, главенствовал круглый стол на низеньких ножках. С потолка над столом свешивалась электрическая лампочка.

– Присаживайся к столу. – пригласил хозяин и показал, как это делать, усаживаясь у стола на пол, переплетая ноги. Валерка с трудом повторил предложенную казахом позу.

Как только расселись, в комнату вошла хозяйка казашка и молча поставила на стол медный тазик с водой и положила на стол полотенце. Сначала Валерка, а за ним хозяин сполоснули руки. Тут же хозяйка вынесла тазик и замерла на входе в комнату, дожидаясь дальнейших указаний мужа. Валерка внимательно окинул её взглядом. Он отметил, что она выглядит много моложе мужа, у неё почти девичье лицо и даже красивое, смуглое, с раскосыми глазами и тонкими бровями. Из-под повязанного на голове платка свисают за спину несколько чёрных косичек. Короткая и узкая жилетка сжимает её тело, груди почти незаметны. Она стояла, не шевелясь, в ожидании, пока муж, сидящий к ней спиной не поднял согнутую руку. Она тут же скрылась за дверью и вскорости появилась с большим подносом. Молча поставила на стол широкие без ручек чашки с мясным бульоном, нарезанный ломтями хлеб в жестяной тарелке, два гранёных стакана и литровую бутылку с кумысом. Проделав это, она вернулась к двери и стояла там недвижимо до последующих указаний мужа. Они последовали с его стороны жестом вскинутой руки, который указывал ей, что пора подавать следующие блюда, что и было неза-

медлительно исполнено. На столе, как по волшебству, появились пончики, по-казахски буорсаки, сливочное масло, колотые кусочки сахара, заваренный чай в пиалах и сливки. Последний жест руки хозяина означал, что застолье закончилось. Хозяйка тут же освободила стол и надолго скрылась в прихожей. Такое байское отношение мужа к жене не мало удивило Валерку, считавшего, что с этим давно должно быть покончено.

Наевшись и напившись, Алихан, прогладил ладонями плохо выбритый подбородок и, отодвинувшись от стола, прилёг прямо на полу на бок. Валерка тоже отодвинулся от стола, но продолжил сидеть на полу, прижав к животу коленки. От обильной пищи и выпитых двух стаканов кумыса, у Валерки стали смыкаться глаза, да и время позднее, хотя ему хотелось расспросить казаха о многом. Алихан, похоже, задремал. В комнату заползли вечерние сумерки. Валерка, долго сопротивляясь сну, ждал, когда же его уложат спать, но, так и не дождавшись, крепко уснул там же, где сидел.

Ранним утром его разбудила хозяйка, которая, как понял Валерка, подложила на ночь под его голову подушку и укрыла одеялом. На столе ждал его завтрак, а на дворе хозяин, который уже запряг лошадь и был готов к поездке.

В дорогу двинулись, когда ещё не взошло солнце. По дороге разговорились. Алихан первым расспросил Валерку обо всём, что его интересовало, и только потом рассказал о себе. Привычно закурив папиросу, он начал с того, что на следующий год ему исполнится сорок лет, что он был на фронте кавалеристом, освобождал Москву, воевал в дивизии Белова и почти дошёл с боями до границы, но был тяжело ранен и в сорок четвёртом был комиссован. Вернулся в родной дом, где и сейчас живёт, и стал работать в нынешнем совхозе конюхом. Совсем недавно женился на местной казашке моложе его на двадцать лет, но детей пока нет, а он мечтает о сыне, которого в честь погибшего на войне друга назовёт Мурзаганом. Сказал также, что на судьбу не жалуется, вот только правая рука после ранения плохо слушается, а ведь мог и остаться без руки. После этих слов, Валерка понял, почему его послали в помощь на вид ещё молодому и крепкому мужику.

За разговорами Валерка не заметил, как проехали все десять километров и достигли цели.

Как же был рад Валерка, что именно ему пришлось воочию увидеть, как получают это пахучее и вкусное постное масло, которое он так любит. Ведь на нём можно жарить картошку, печь пироги и оладьи, заправлять винегрет или, посолив, макать в нём хлеб и есть. Валерка вместе с Алиханом высыпал из мешков семечки на больше колеблющееся сито, обдуваемое сверху вентилятором, которое выдувало пыль и шелуху из сита и даже оголяла от скорлупы семечки. Потом деревянной лопатой семечки загружали в круглый цилиндр под паровой пресс и тот с огромной силой давил их, и по ложбинке, что внизу цилиндра, стекала тонким ручейком готовое масло. Оно так пахло, что Валерке не терпелось попробовать его на вкус. Буквально часа за четыре все привезённые семечки отдали своё масло и заполнили им целых три молочных бидона. Валерка прямо ликовал от счастья, тем паче, что ему Алихан вручил за работу двухлитровую бутылку этого свежего масла.

Второй месяц Валеркиных каникул подошёл к концу. Пора возвращаться домой, через неделю в школу. Валерка был доволен собой за то, что каникулы не провёл даром, а прилично заработал и денег, и продуктов, а самое главное привёз домой большую бутылку сказочного подсолнечного масла.

Заначка

По возвращению с Юга у меня разболелся зуб. Зубов же к пятидесяти годам у меня осталось немного, и было невыносимо жалко лишиться ещё одного. Я терпел целую неделю, глотал в непотребном количестве таблетки анальгина, полоскал то и дело рот содой, надеясь, что боль утихнет, но не тут-то было. Ко вторнику следующей недели от зубной боли стало совсем невозможно. Пересилив страх, я направился к стоматологу, по пути к нему зашёл в Сбербанк и снял сотню рублей на тот случай, если придётся идти к платному. Жене же о снятии денег говорить не собирался. Зуба я успешно лишился бесплатно в районной поликлинике. Врач приказал два часа не есть, но насчёт выпивки ничего не сказал, поэтому я по пути домой зашёл в магазин и купил четвертушку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.